ГАЛИНА СЕРАФИМОВНА БАРАНКОВА[1]

Взгляды Г. А. Ильинского на историю русского языка (по материалам неопубликованной работы ученого из Рукописного отдела Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН)

DOI 10.17846/pdjkss.2026.126-142

Barankova, Galina S.: G. A. Ilyinsky's views on the history of the Russian language (based on an unpublished work by a scholar from the Manuscript Department of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences).

The Archive of the Institute of Russian Language of RAS holds a large unpublished work by G.A. Ilyinsky on the history of the Russian language (fond 13, no. 1, 26), which he wrote during the years of the Civil War in Saratov. In his work, the scholar advocated the idea of the historical unity of the East Slavic languages; therefore, he did not separate the study of the Russian language from the examination of the Ukrainian and Belarusian "dialects" (as Ilyinsky defined them) and united them under a single term – the Russian language. A characteristic feature of the work is the demonstration of the connection between the history of the Russian language and the national and cultural environment of the people who speak this language. The scholar addressed issues related to the movement and settlement of East Slavic tribes and examined their phonetic and dialectal features. The work provides a list of manuscripts from the 11th to the 16th centuries with an indication of their territorial affiliation. A separate chapter is devoted to the history of the study of the Russian language from the 18th century to the 1920s. The work is of great value for the history of Slavic studies, since in it the scholar generalized and systematized the views on the history of the Russian.

Grigory A. Ilyinsky; the history of Slavic studies; archive; the history of the Russian language.

Григорий Андреевич Ильинский – выдающийся отечественный ученый славист, член-корреспондент Российской академии наук, 150-летие со дня рождения которого отмечается в 2026 году, всемирно известен как исследователь праславянского языка, издатель древнеславянских текстов, этимолог, лексиколог, лексикограф и библиограф.

Человек сложной и трагической судьбы, он родился 11 марта 1876 г. в Петербурге, а трагически погиб в 1937 в Томске, где был расстрелян как «враг народа». Ему многое довелось пережить на своем веку – первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, тревожные тридца-

[1] Barankova Galina S., CdPh, Leading Researcher at the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Department of Linguistic Source Studies and the History of the Russian Literary Language. Volkhonka 18/2 Moscow. ORCID 0000-0002-3628-1516.

тые годы. Он знал триумф славы и горечь одиночества. Но его жизнь до краев была наполнена творчеством, он спешил работать и жить, как будто предчувствуя, что судьба отмерила ему небольшой срок. Мысль о том, что «жизнь человеческая коротка, а жатва обильна, потерянное же время смерти невозвратной подобно» (из письма Б. М. Ляпунову 1928 г.) заставляла его работать с удвоенной силой. Он опубликовал более 500 работ, которые выходили в русских и зарубежных изданиях, но значительная часть его трудов по не зависящим от автора причинам осталась неизданной. Это очень тревожило ученого. По его письмам видно, что, даже находясь в ссылке, он переживает за судьбу тех своих работ, которые не успел опубликовать.

Трудом его жизни стала «Праславянская грамматика», вышедшая в Нежине в 1916 г. и отмеченная Толстовской премией и золотой медалью АН, однако ее автор был лишен возможности увидеть второй издание книги, над которым интенсивно работа в 30-е годы. Это было связано с господством марризма в языкознании, когда сравнительно-исторический метод в лингвистике был признан буржуазным и антинаучным. Н.Я. Марр и его ученики объявили свое «новое учение о языке» марксистским и яростно боролись с учеными старой школы. Ильинский, которого всегда отличала выраженная гражданская позиция, был одним из немногих ученых, который не побоялся открыто выступить в публичных дискуссиях против марризма, за что заплатил высокую цену. Большая часть его работ, написанных в конце 20-х – начале 30-х годов, так и осталась неопубликованной, в том числе подготовленное по просьбе Отделения литературы и языка АН второе издание Праславянской грамматики, расширенное в полтора раза по сравнению с первым.

Неизданным остался также Этимологический словарь славянских языков, значительная часть которого в настоящее время утеряна (материалы на буквы А и Б находятся в Рукописном отделе Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН).

Г. А. Ильинский широко известен как исследователь праславянского языка и этимолог, но гораздо менее – как историк русского языка. Во многом это связано с тем, что его труды по истории русского языка также не вышли в свет. В Рукописном отделе Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН хранится большая неизданная работа ученого по истории русского языка (ее предположительное название «Введение в историю русского языка» (ф. 13, № № 21, 26). Предполагается, что это работа, написанная ученым в 20-е годы в Саратове и считавшаяся ранее утраченной.[2]

[2] Так полагал В.К. Журавлев, написавший первую биоблиографическую работу о Г.А. Ильинском (Журавлев 1962: 30).

Работа представляет собой рукопись, написанную на 708 листах бумаги формата А-3 и состоит из 7 глав. Первые две главы рукописи являются машинописной копией работы, напечатанной довольно небрежно, с рядом ошибок, и не прошедшей авторской корректуры; третья и четвертая главы были переписаны рукой жены ученого А. Я. Ильинской, по-видимому, набело, и имеют отдельные поправки, сделанные рукой автора; остальная часть (пятая – седьмая главы) написана самим Григорием Андреевичем. Эта часть рукописи имела множество добавок, вставок и исправлений, которые делал Ильинский, и вообще не была отредактирована автором. В целом сохранность рукописи неплохая, хотя в ней отсутствует самый конец, отдельные листы (их немного) и титульный лист, поэтому название рукописи – «Введение в историю русского языка» дано нами условно. Текст местами угасает, авторские дополнения, сделанные карандашом, также читаются с трудом.

Датировка рукописи основана на данных второй главы, в которой А. И. Соболевский, скончавшийся в 1929 году, еще упоминается как здравствующий, а также на включении в библиографический обзор отдельных работ, датированных 1927 годом. В книге отсутствует указатель сокращений, общий список использованной автором литературы. Это свидетельствует о том, что по каким-то причинам работа осталась не доведенной до конца и не подготовленной к печати. Интересен тот факт, что в многочисленных письмах Ильинского отсутствуют упоминания о его работе над этой книгой, хотя обычно он делился с коллегами о ходе своих исследований и предполагаемых публикациях.

В условиях гражданской войны, породившей сепаратистские настроения на Украине и в Белоруссии, Г. А. Ильинский, горячий патриот своей страны, доказывал в ней общее происхождение трех народов – русского, украинского и белорусского, что подтверждал существованием единого языкового источника «правосточнославянского», или прарусского языка. Эту идею исторической общности ученый прослеживал с начала IX в., задолго до политического объединения восточнославянских племен, и считал, что уже в этот период восточные славяне осознавали себя не отдельными племенами, а разными частями одного и того же народа. Историю русского языка в этой связи Ильинский рассматривал в тесном взаимодействии с историей двух других родственных языков – украинского и белорусского, посвятив им отдельные главы своего исследования. Ученый занят поиском того, что на протяжении веков объединяло восточных славян.

В работе подчеркивается, что даже в самые драматические моменты русской истории (период феодальной раздробленности, татаро-монгольского ига) русская нация как таковая не переставала существовать, ибо объединительные («*центростремительные*», как называл их Ильинский) силы

в стране были всегда сильнее тех сил, которые стремились разорвать это единство *(«центробежных»* в его терминологии).

Следует отметить, что характерной чертой работ Ильинского по истории русского языка является показ связи истории русского языка с национальной культурой русского народа. В этой связи примечательна первая глава рассматриваемой работы ученого, в которой он отмечал, что «*Кроме задач чисто лингвистических наша наука преследует и другие цели, которые точнее всего мы могли бы определить как культурно-этнологические. В самом деле, если, как мы видели, современный лингвист изучает язык в самой тесной связи с национальной и культурной средой народа – носителя этого языка, то специальное историческое изучение последнего должно бросить самый яркий свет на многие проблемы истории русского народа вообще»* (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 21, л. 14). Таким образом, Ильинский при написании своей книги стремился к созданию научной системы истории русской культуры, составными частями которой должны были стать история языка, история литературы и история народа. Эта идея была воплощена еще в двух неизданных работах ученого, хранящихся в Рукописном отделе ИРЯ РАН – подготовленных к печати Юрьевской (ОР ИРЯ РАН ф. 13 № 23) и Хутынской грамотах (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 22).[3] Ильинский снискал себе славу как образцовый издатель старославянских и древнеславянских рукописей. Помимо палеографического и лингвистического анализа грамот, исследования их юридической и бытовой лексики Ильинский останавливается на их историко-культурном значении. Анализируя лексику грамот, он вскрывает социальные отношения, существовавшие в древнерусском обществе, на конкретных примерах показывает быт и культуру наших предков.

Работа «Ведение в историю русского языка» состоит из 7 глав.

Глава 1. Общие понятия.

Глава 2. Очерк истории изучения русского языка.

Глава 3. Происхождение и развитие прарусского языка.

Глава 4. Образование и развитие малорусской народности и малорусского наречия.

Глава 5. Образование и развитие белорусской народности и наречия.

Глава 6. Образование и развитие великорусской народности и наречия.

Глава 7. Образование русской нации и русского литературного языка.

В первой главе ученый поставил ряд общих методологических вопросов: что представляет собой русский язык и что является материалом исторической грамматики этого языка, каковы объем и методы исследования этой дисциплины, а также наметил ее задачи. Во второй главе Ильинский

[3] Издание статьи Г. А. Ильинского «Юрьевская грамота» см. (Ильинский 2000: 321-356).

определяет значение русской исторической грамматики. Примечательно, что даже в этом своем исследовании ученый во многом оставался историком праславянского языка, так как всегда стремился дать реконструкцию языка-основы и возводить к нему остальные языки. В этой связи он дает следующее генетическое определение русскому языку: *«Русский язык в широком смысле слова есть совокупность тех наречий и говоров, которые, через посредство прарусского языка, возникли путем многовековой дифференциации из восточного говора праславянского языка»* (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 21, л. 3). Возведение современных диалектных различий к праязыку является характерной особенностью сравнительно-исторических и лексикологических исследований ученого. Эту методологическую черту лингвистического наследия Ильинского отмечал исследователь его творчества В. К. Журавлев (Журавлев 1962: 15). Она отразилась и во «Введении в историю русского языка»: здесь подчеркивается, что «*Первоисточником всей совокупности русских наречий и говоров является один из говоров праславянского языка, по всей вероятности, тот, который слышался в восточной части его территории*» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 21, л. 3).

В понятие «материал исторической грамматики русского языка» ученый включал древнерусский язык, современный русский язык, а также современные русские наречия и говоры.

Исследование истории русского языка Ильинский не отделял от изучения истории двух других восточнославянских языков – украинского и белорусского, которые он называл белорусским и малорусским наречиями, объединяя их одним термином – русский язык. Поскольку русская историческая грамматика в его понимании должна включать в себя великорусскую, белорусскую и малорусскую исторические грамматики, три основные главы работы Ильинского посвящены истории этих языков. При этом автор не ограничивается постановкой чисто лингвистических задач, но рассматривает значение русской исторической грамматики и с точки зрения историко-культурной. Поэтому Ильинский в своем исследовании касается вопросов колонизации, передвижения и расселения восточнославянских племен, дает в связи с этим характеристику географических особенностей местности, на которых жили эти племена, исследует их диалектные особенности. Большое внимание на протяжении всей работы он уделяет достижениям и взглядам ученых, своих предшественников, по тому или иному вопросу. Этот обзор составляет одну из наиболее важных и интересных частей работы, так как Ильинский всегда был превосходным знатоком библиографии. В каждую из трех глав, посвященных малорусской, белорусской и великорусской народности, Ильинский включил обзор рукописных памятников, которые он не просто перечислял, но и давал существующую на тот период исчерпывающую библиографию работ, посвященных их иссле-

дованию. Памятники ученый разделял на литературные и деловые (грамоты жалованные, купчие и т.п.).

Во второй главе содержится очерк истории изучения русского языка. Он позволяет по-новому взглянуть на историю науки о русском языке, увидеть знакомые имена ученых, лишенные хрестоматийного глянца. Интересен уже самый подбор этих имен, среди которых мы найдем немало забытых. По-видимому, интерес к истории языкознания появился у Ильинского под влиянием его преподавателя С. К. Булича, автора «Очерков по истории языкознания в России». В ряде случаев Ильинский высказывает спорные и даже довольно резкие критические замечания о трудах языковедов. В его очерке даются лаконичные и вместе с тем емкие определения научных заслуг деятелей русского языкознания, прослеживается связь их теорий с общей тенденцией развития европейской грамматической мысли, показаны мировоззренческие основы отечественного языкознания. Написанная ярко, эмоционально и живо, вторая глава показывает достижения русской лингвистики на разных этапах ее развития.

Развитие идей отечественного языкознания ученый разделил на четыре этапа: от I этапа (выхода в свет «Российской грамматики» М. В. Ломоносова) до IV этапа (20-х годов XX в.). II этап связан с работами А. Х. Востокова, III – с деятельностью Ф. И. Буслаева. Основателем же русской исторической грамматики в строгом смысле слова, по мнению Ильинского, является Буслаев, которого ученый назвал корифеем третьего периода изучения русского языка. Высоко оценивал он и заслуги А. А. Потебни. IV этап относится к деятельности Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и А. И. Соболевского. Особенно интересны разделы работы, посвященные третьему и четвертому этапам в развитии русского языкознания. Это связано как с тем, что на этот период приходится расцвет отечественной науки о русском языке, так и с тем, что сам ученый начал свою деятельность на рубеже XIX–XX вв. и был учеником и младшим современником выдающихся деятелей русского языкознания – Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. И. Бодуэна де Куртенэ, А. И. Соболевского. Однако Ильинский во многом не разделял взглядов ученых Московской лингвистической школы. Вот что он писал по поводу используемой ими методики: «*Самой характерной чертой их научного направления является стремление возводить зародыши разных диалектических преобразований к далекой эпохе праязыка, - стремление, приводящее часто к гипостазированию весьма разнообразных и тонких нюансов произношения в этом последнем. <…> Другим методическим недостатком "московской школы" является ее органическая антипатия к гипотезам морфологического характера: чтобы объяснить известное загадочное явление в истории языка, она обыкновенно не останавливается ни перед какими, даже самыми сложными и смелыми реконструкциями,*

лишь бы quand тете представить его в конечном итоге как результат более или менее длинного ряда фонетических процессов: для этой цели с легким сердцем придумываются никогда не существовавшие "переходные звуки", открываются (ad hoc, конечно) новые фонетические законы, восстанавливающие праформы, которых язык никогда не знал и т.д.; в то же время закрываются глаза на все, что могло бы указывать на чисто морфологический характер явлений» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 21, л. 74). Ильинский называл этот метод Московской лингвистической школы «ультра-фонетическим», хотя и признавал, что он внес в изучение русского языка «*дух истинного историзма в самом широком смысле*». В противоположность этому направлению Ильинский отдавал предпочтение методологии работ А. И. Соболевского, умело сочетавшего в своих исследованиях морфологическое и фонетическое объяснение фактов языка.

В своей обзорной главе Ильинский не просто давал характеристику деятельности ученых-языковедов с перечислением библиографии их работ, но отмечал как несомненные заслуги, так и существенные недостатки в их работах. Высоко оценивая научную деятельность И. И. Срезневского в области издания памятников древнерусской письменности и составления «Материалов для словаря древнерусского языка», Ильинский тем не менее писал: «*Правда, почти все издания Срезневского выполнены весьма неряшливо, и прямо кишат опечатками и другими неточностями; верно и то, что его описания рукописей составлены полумеханически по одному и тому же трафарету и не отличаются ни глубиною, ни оригинальностью; наконец, нельзя отрицать и того, что его характеристика лингвистических особенностей памятников очень часто грешит произволом, - однако, несмотря на все эти недочеты, следует признать, что благодаря трудам Срезневского наше знакомство с сокровищами древнерусской письменности сделало громадный шаг вперед; они проложили в девственной тайге этой письменности ту центральную магистраль, без которой невозможны были никакие дальнейшие более глубокие исследования*» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 21, л. 41).

Касаясь методологии составления «Материалов для словаря древнерусского языка», Ильинский справедливо отмечал смешение задач, допущенное его автором, выразившееся в том, в словарь вошли не только данные из древнерусских памятников, но и многих церковнославянских рукописей, сохранившихся в списках русской редакции того же или более позднего времени. Однако, писал он: «"*Материалы" Срезневского на многие годы останутся неиссякаемым источником всяческого поучения не только для историка русского языка, но и для историка русской культуры, – благодаря тому, что каждое слово приводится здесь в контексте расположенных хронологических выписок из памятников*» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 21, л. 43).

В третьей главе Ильинский касается вопросов, связанных с изучением древнерусского языка, имевшего, наряду с другими славянскими языками, своим источником праславянский язык. Он полагал, что современные русский, белорусский и украинский языки восходят к праславянскому через посредство правосточнославянского (прарусского) языка, при этом древнерусский язык был для ученого, с одной стороны, материалом для реконструкции праславянского языка, а с другой, – объектом изучения тех закономерностей в развитии прарусского языка, которые привели к формированию современных русского, украинского и белорусского языков. Временем первоначального распадения прарусского языка он считал начало VII в., когда этот язык разделился на две группы говоров: юго-западную и северо-восточную. Из них вторая легла в основу будущих белорусских и великорусских говоров, а первая – малорусских, или украинских, то есть он признавал изначальный дуализм восточнославянских наречий.

Прародиной восточнославянского (прарусского) племени он называл «*область, которая приблизительно совпадает с границами современной Волыни. Именно здесь, между болотистой низменностью Припяти и девственными степями Черноморской равнины, и жил единый и не раздельный в этнографическом отношении восточнославянский народ*» (РО ИРЯ РАН, ф. 13, № 26, лл. 154-155). В дальнейшем колонизация восточнославянских племен проходила по Днепру, Волге и области озера Ильмень, а завершилась она, по мнению Ильинского, не позднее начала VII века.[4]

Анализируя в четвертой главе особенности малорусского наречия (украинского языка) Ильинский ученый писал: «*малорусский язык в генетическом отношении есть не что иное, как юго-западная отрасль восточнославянского или прарусского языка».* (РО ИРЯ РАН ф. 13. № 26, л. 217). Племенное распределение малорусов в его представлении было следующим: юго-западная ветвь восточного славянства разделилась на две почти равные части: юго-западную (уличи, тиверцы, хорваты) и северо-восточную (дулебы, волыняне, древляне). Именно эти племена впоследствии слились воедино и постепенно превратились, как писал ученый *«в украинскую „народность“ современного типа»*. В этой главе Ильинский дает характеристику «прамалорусского» наречия, выделяя те его особенности, которые отличали его от будущего великорусского говора. В то же время Ильинский

[4] Вопрос о прародине восточных славян остается до настоящего времени дискуссионным. Большинство ученых вслед за Л. Нидерле (В. В. Седов, Б. А. Рыбаков, Ф. П. Филин, С. Б. Бернштейн и др.) на основании археологических данных сходятся сейчас на том, что восточные славяне расселились на Среднем Поднепровье, бассейне реки Припять (Полесье), верховьях Десны и Тетерева, а также в Волыни, т.е. Ильинский в целом указал принятые в современной науке взгляды на этот вопрос.

считал, что перечисленные выше две группы юго-западной ветви восточного славянства уже в IX в. имели отличия в своих говорах, при этом более в лексике, чем в морфологии.

Ученый полагал, что уже в XII в. наметилось два политических центра: «*вокруг западного, то есть Галича, группировались южные племена (за исключением небольшой части бужан), а вокруг восточного, то есть Киева, – северные*» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 26, л. 289).

При перечислении древнейших памятников южнорусской письменности, которые Ильинский с большей степенью вероятности связывал с Киевом, он упомянул Изборник Святослава 1073 года, а также Изборник 1076 года, который он ошибочно приписывал князю Святославу, Сборник XIII Слов Григория Богослова, Пандекты Антиоха XI в., Туровское евангелие XI в.,[5] Румянцевскую Лествицу XII в., Успенский сборник XII–XIII в. Памятники малорусской письменности XIII-XIV вв. он разделил на восточные, в числе которых указал Рязанскую кормчую 1284 г., Житие Саввы Освященного, Погодинский Пролог XIII в. и ряд других.

В этой же четвертой главе Ильинский останавливается на колонизации Киевщины и левобережья Заднепровья, а также дает свое толкование названию Украина (‘страна, лежащая на рубеже известной области, окраина’). Описывая процесс создания малорусского литературного языка, Ильинский говорит о его церковнославянской основе, в которую «живой простонародный язык» врывался бурным потоком под влиянием протестантского движения, хотя церковнославянский язык в XVI–XVII вв. сохранил в этой схватке свое лидирующее положение, однако параллельно с литературой на церковнославянском языке развивалась простонародная поэзия, которая в XVII–XVIII вв. под влиянием русского и западноевропейского романтизма стала основой для новейшей украинской литературы, по образному определению Ильинского, «*насквозь проникнутой духом истинного демократизма и горячего народолюбия*». Этому украинскому литературному языку Ильинский противопоставлял так называемый галицко-малорусский литературный язык, насыщенный полонизмами и в синтаксисе, и во фразеологии, и особенно в лексике; который он рассматривал как искусственный «литературный» язык, созданный в среде сепаратистски настроенной галицкой интеллигенции.

---

[5] Туровское евангелие (хранится в Библиотеке Академии наук Литвы – F.19-1) было найдено в Турове в 1865 г., в рукописи сохранились две вкладные записи 1508 и 1513 гг. на земли Туровской Преображенской церкви, дарованные ей князем Константином Острожским. Ряд исследователей, в том числе А. И. Соболевский, В. Г. Пуцко, связывали его с традицией киевского скриптория, что позволяет говорить о южнорусском происхождении памятника. Обзор точек зрения на происхождение этого памятника см. (Шакун 2010: 206-207). Белорусские исследователи (Д. Довгялло, А. Суша, Л. Левшун и др.) считают Туровское евангелие древнейшим письменным памятником Беларуси.

В пятой главе ученый рассмотрел историю белорусского языка. Ильинский считал, что в этническом и лингвистическом отношении белорусы в самый ранний период находились в более близком родстве с великорусами, чем с малорусами (украинцами). В то же время он полагал, что малорусская народность (или южнорусы) отделились от великорусов и белорусов, когда те составляли еще неделимое целое. Ученый дал характеристику белорусских племен (дреговичи, радимичи, кривичи), отметив, что дреговичи составили ядро будущего белорусского племени с центром в Турове. Ильинский вслед за А. А. Шахматовым отстаивал ляшское (западнославянское или польское) происхождение радимичей, связанное с наличием «дзеканья», которое было результатом влияния польского языка, хотя уже Е. Ф. Карский высказался против этого положения.[6]

Большую роль в формировании белорусского наречия сыграли кривичи, которых Ильинский вслед за А. А. Шахматовым относил к северновеликорусской группе племен. Однако Ильинский признавал, что природные условия и географическая территория обитания дреговичей и кривичей, живших по соседству, неизбежно должны были связать оба племени экономически и политически и, таким образом, подготовить почву для их постепенного сближения и совместного существования. Центрами кривичей были Полоцк и Смоленск. При перечислении самых ранних памятников церковной белорусской письменности Ильинский назвал Захарьинскую Псалтирь 1296 г.,[7] Оршанское Евангелие XII в.,[8] Евангелие 1317 г.; к белорусским по происхождению он относил и знаменитый Мусин-Пушкинский сборник XVI в., содержавший «Слово о полку Игореве», который сгорел во время московского пожара 1812 г.[9]

Касаясь вопроса о происхождении белорусского литературного языка, Ильинский исходил из положения о том, что «*Литературный язык Литов-*

---

[6] Археологические данные свидетельствуют о возможном смешанном славяно-балтском происхождении радимичей.

[7] Псалтирь 1296 г. (ГИМ, собр. Синодальное № 235). – см. Сводный каталог 1984 № 188, с. 214. Современный взгляд на эту рукопись допускает, что она состоит из 2 частей (лл. 1-336 об.) – 1) Псалтирь, написанная не позднее 1343 г., заказчиком которой был боярин Кюр Константинович, 2) два последних листа представляют собой фрагмент другой рукописи, созданной в 1296 г. для княгини Марины. см. Псалтырь; до 1343; ГИМ; Син. 235 // История письма: ИС СПбИИ РАН. URL: https://gis.spbiiran.ru/cyrillic/cyrillic-alphabet-codices/codexes/399 (дата обращения: 31.08.2026). Иначе думает И. М. Ладыженский, который подтверждает традиционную датировку всей рукописи 1296 годом – см. Ладыженский 2020: 164-199.

[8] Оршанское Евангелие, по-видимому, созданное в Полоцке, является древнейшей иллюстрированной белорусской рукописью. Ее современная датировка – вторая половина XII в. см. Сводный каталог 1984. № 342, с. 295.

[9] Современные исследователи отмечают два пласта этого сборника: южнорусские черты в языке автора Слова о полку Игореве и псковские особенности, отразившиеся в языке переписчика – см. Зализняк 2024.

ской Руси представляет собой в высшей степени искусственное образование, в котором на церковнославянском фундаменте густо наслоились, с одной стороны, народные белорусские элементы, а, с другой стороны, польские. При этом, в резервуар западно-русского языка вливались не только чисто польские слова, но и через их посредство многочисленные латинские, чешские, немецкие и даже итальянские, но так, что в большинстве случаев на этих речениях оставалась нестираемая печать той польской призмы, через которую они проходили в своем пути на Белую Русь» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 26, л. 467).

Отмечая большое влияние Библии Скорины на последующие издания Священного Писания (Библия Шимона Будного, Евангелие Тяпинского), Ильинский отдельный раздел посвятил характеристике «простой мовы», на которой писались произведения юридической письменности (например, оба Литовские статута), а также западнорусские летописи.

Шестая глава работы содержит характеристику образования великорусской народности и языка. Ильинский рассматривал предков великорусов как отдельную ветвь северновеликорусского племени. Эту ветвь первоначально он также разделял на две части – северновеликорусскую и южновеликорусскую. Отдельные разделы этой главы дают представление о племенах, которые ученый относил к предкам великорусской народности. Это прежде всего поляне, так как их территория, по мнению Ильинского, «*в общем совпадала с территорией великорусской прародины вообще*» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 26, л. 499), а также северяне, кривичи, вятичи. Ильинский отмечал, что поляне являлись самым значительным в политическом отношении племенем, а их культурный уровень «*был значительно выше других восточнославянских племен, христианских больше по имени, чем по существу*». (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 26, л. 500). Вятичей ученый описывал как народ «ляшского происхождения», который позднее слился с северянами. Словене, то есть севернорусы, были наиболее удалены от центра своей великорусской прародины. Они основали Новгород, который находился в очень выгодном экономическом положении на самом конце «великого пути из варяг в греки». Ильинский не считал их особым племенным этническим образованием, а полагал, что они происходили из разных северновеликорусских племенных союзов. Рассматривая разнообразные взгляды ученых на происхождение новгородских колонистов-словен, Ильинский подробно остановился на теории о балто-славянском происхождении варягов и древнейших жителей Новгорода, разрабатываемой в трудах А. А. Котляревского, С. А. Гедеонова, Н. М. Петровского, однако он отверг ги-

потезу западнославянского субстрата населения Великого Новгорода как нуждающуюся «в более солидных доказательствах».[10]

Двояким был у Ильинского взгляд на северян: он различал это понятие в широком и узком смысле слова. С одной стороны, он понимал под племенем, получившим это имя еще в тот период, когда они жили на правом берегу Днепра, между Ужем и Росью, предков всей великорусской народности. С другой стороны, он считал северянами ту часть правеликорусского племени, которая пришла на левый берег Днепра и поселилась там, соседствуя с полянами. Ильинский считал, что в этническом и лингвистическом отношениях эти племена были ближе друг к другу, чем к кривичам и словенам.[11]

Центром полян был город Киев, который занимал, как отмечал Ильинский, исключительно выгодное экономическое положение на пути «из варяг в греки», которое способствовало духовному и культурному расцвету всей Киевской области. Ильинский отстаивал положение о великорусском субстрате полянского племени, полемизируя в этом вопросе с украинским историком М. С. Грушевским. В этой же главе он рассматривал вопрос о древнекиевском говоре. Считая, что в VIII–IX вв. Киев мог быть только восточнорусским (то есть будущим великорусским городом), он пишет о том, что уже в XI в. он стал общерусским в этнографическом отношении, так как «*все главные русские народности имели там своих представителей, и на улицах "матери городов русских" новгородцы встречались с курянами, волыняне с суздальцами, дреговичи с вятичами и т.д.*» (ОР ИРЯ РАН, ф. 13. № 26, л. 506). Поэтому язык киевлян IX в. ученый рассматривал не как единый по своему составу и происхождению, но как вобравший в себя все главные особенности существовавших в тот период восточнославянских наречий.

Киевское койне Ильинский относил только к XI в., при этом основную роль в его формировании он отводил церковнославянскому языку, который приспосабливался к народной речи, не принимая в свой состав то, что разделяло древнерусские диалекты, упрощая свою структуру и создавая

---

[10] В настоящее время гипотеза о балто-славянском происхождении словен имеет большую научную основу, ее разделяют такие ученые, как В. В. Седов (археологические свидетельства), А. А. Зализняк (лингвистическая аргументация).

[11] Согласно современным научным данным, северяне являлись одним из крупных восточнославянских племен, носителями волынской а затем роменской археологической культуры. Вместе с полянами они составили политическое ядро Киевской Руси. Особую роль северян в становлении древнерусского государства подчеркивал В. В. Седов. Однако он относил в своих работах северян и полян к разным группам восточнославянских племен: поляне вместе волынянами, древлянами и дреговичами являлись представителями лесостепной зоны, а северяне и вятичи принадлежали к группе Междуречье Днепр – Ока – Дон – см. Седов 2002: 525.

единое языковое пространство. Этим объясняется, по мысли Ильинского, отсутствие диалектных черт в киевских памятниках: «*их почти в одинаковой степени могли признать своими и поляне, и дреговичи, и северяне, и вятичи, и кривичи*» (ОР ИРЯ РАН, ф. 13 № 26, л. 507). Вследствие отхода северян на северо-восток и последующего татаро-монгольского нашествия столица Древней Руси стала утрачивать свой первоначальный великорусский характер, так как после разорения киевская область стала постепенно заселяться волынянами и галичанами. И только в середине XV в., считает ученый, Киев стал малорусским говором, жители которого говорили на северноукраинском наречии.

Что же касается деления великорусского наречия на северновеликорусское и южновеликорусское, то и здесь ученый остался верен принципу дихотомии и разделил каждое из них на отдельные говоры, различия в системе которых в ранний период были минимальны. Он выделил полянско-северянский говор, отличавшийся строгим консерватизмом звукового и формального строя, говор вятичей, кривичские говоры и новгородский говор и с его разновидностью – псковским говором; два последних имели наибольшее количество диалектных черт, отличающих их от других говоров.

При перечислении памятников великорусской письменности XI-XII вв. Ильинский исходил из положения о том, что главными ее центрами в этот период были Киев и Новгород, где преимущественно сосредоточивалась религиозная и культурная жизнь восточных славян. Вятицкий край представлял в тот период «настоящий пустырь», Смоленск же мог принимать «лишь слабое участие в духовной жизни страны», поскольку не имел в тот период значимых монастырей. Для раннего периода Ильинский предлагал своеобразную классификацию памятников, появившихся, как он отмечал, на великорусской территории: это полянско-северянские, в числе которых Остромирово Евангелие 1056 – 1057 г., Архангельское Евангелие 1092 г., Евгениевская и Чудовская Толковые псалтири XI в., Псалтирь Бычкова и др., кривичские памятники, новгородско-словенские памятники, среди которых Служебная Минея 1095 г., Служебная Минея 1096 г. Путятина Минея, и другие.

Далее в шестой главе Ильинский прослеживал пути великорусской колонизации в XIV – XVII вв., определил особенности великорусских диалектных групп в этот период, разделив их на южновеликорусское, северновеликорусское и средневеликорусское наречия, и назвал основные памятники, относящиеся к этим наречиям.

Для более поздних периодов великорусские памятники разделены ученым по жанровой (памятники церковной письменности, исторические сочинения, сборники, грамоты) и территориальной принадлежности (псковские, ростовские, ярославские, вологодские, московские, волоколамские,

коломенские, можайские, галичские и другие). Касаясь вопроса образования великорусского литературного языка, Ильинский отмечал, что уже в XIV веке в Московской Руси возник дуализм письменности: одна письменность на церковнославянском языке, представлявшая собой разнообразные литературные памятники, а другая письменность, как образно писал ученый, «*свила себе прочное гнездо в московских канцеляриях*» (РО ИРЯ РАН, ф. 13 № 26, л. 671), это была деловая письменность, довольно точно отражавшая основные черты живого московского говора. Сам же московский говор Ильинский безоговорочно относил к северновеликорусскому.[12]

История образования великорусского литературного языка, по мысли ученого, «*состояла в постепенном сближении литературного, то есть церковнославянского par excellence, языка, с речью деловой московской письменности*» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 26, л. 673).

В седьмой главе работы рассматриваются объединительные тенденции, приведшие к образованию русской нации и литературного языка. При этом ученый отмечал, что общность духовной культуры позволила сплотить «союз земель», вошедших в состав русского государства. Особую роль в этой культуре и образованности Ильинский отводил церковнославянскому языку, который стал одновременно средством распространения веры и утверждения государственности. Ильинский представлял Москву как важнейший источник «центростремительных» сил, приведших к объединению вокруг нее русских земель. Церковнославянский язык и православное богослужение во все периоды русской истории содействовали этим объединительным тенденциям. Особенно важную роль в становлении русского литературного языка играл во все времена церковнославянский язык. Ученый признавал, что он лежит в основе русского литературного языка. Важным этапом в его создании являлся процесс русификации церковнославянского языка. Вторым моментом стала его диалектизации, а третьим – иноязычное воздействие на русский язык (частичная интернационализация, в терминологии Ильинского).

Подводя итоги обзора работы «Введение в историю русского языка», следует признать, что многие положения в ней устарели или нуждаются в корректировке в свете современных исследований. Частично мы отметили это в постраничных примечаниях, характеризуя книгу Ильинского. Ска-

---

[12] Изначально московский говор имел севернорусскую основу, для более позднего времени ученые предпочитают говорить о среднерусском характере московского говора, уже в XVI в. приобретшего смешанный характер (например, южнорусское аканье сочеталось с северным взрывным звуком г); А. А. Шахматов предпочитал говорить о южнорусском вокализме и севернорусском консонантизме в его составе (Шахматов 1916). По мнению С. И. Коткова, в Москве уже в XV в. сложилась разговорная речь с акающим вокализмом (Котков 1974).

занное касается прежде всего раннего признания великорусского субстрата полян, которые рассматриваются в современной науке как одно из племен, участвовавшее в формировании древнерусской народности. Хронологическое разделение древнерусских наречий на малорусское (украинское), белорусское и великорусское и, соответственно, на памятники, относящиеся к этому наречию начиная с XII в., присутствующее в монографии, не является в настоящее время общепринятым.[13] Ильинский проявлял непоследовательность в этом вопросе, возможно, связанную с тем, что его работа не была окончательно отредактирована. Так, если в § 77 четвертой главы о малорусском наречии он дает характеристику языка юго-западного сектора восточнославянского языка в XII в., используя корректные формулировки, то в § 125 шестой главы он описывает уже великорусские говоры XI–XII вв., хотя обычно XII век рассматривается как время общего древнерусского периода развития языка и культуры восточных славян, в это время лишь начинают формироваться диалектные различия.

В связи с этим неупорядоченным, а местами и нелогичным представляется список ранних восточнославянских памятников, помещенных в четвертой, пятой и шестой главах работы. Сама по себе их классификация на полянско-северянские, кривичские и новгородско-словенские, т.е. распределение памятников по их территориально-племенной принадлежности, не соответствует принятым в науке критериям. Кроме того, вызывает удивление отнесение, например, Остромирова Евангелия, новгородской по происхождению рукописи, к полянско-северянским, а Изборники 1073 и 1076 годов, имеющие явное киевское происхождение, указаны в главе, посвященной малорусскому (украинскому) наречию, хотя как сам Ильинский неоднократно отмечал, Киев был центром полян и в ранний период мог быть только общерусским городом. Однако несмотря на указанные недостатки, данный Ильинским список письменных памятников, особенно великорусских, каждый из которых локализован и снабжен исчерпывающей библиографией, мог бы стать основой для дальнейших источниковедческих исследований первой половины XX века, не утратил он интереса и для современных исследователей. Очень подробно представлены в работе памятники деловой письменности, разделенные по территориальной принадлежности. Несмотря на те положения, которые явно можно отнести к устаревшим и не принятым современными учеными, нужно признать большой вклад, который внес Г. А. Ильинский в науку о русском языке. Красной нитью проходя-

[13] Вторая половина XIII века – XIV век считается временем, когда древнерусская общность (народность) распалась на отдельные этносы (русских, украинцев и белорусов). В ряде параграфов рассматриваемого труда Ильинский также формулирует это положение, но затем временами отходит от него.

щее в работе положение о единстве трех восточнославянских народностей – русских, украинцев, белорусов, идея о существовании их исторической общности, взгляд на киевский этап русской истории как на период, который «*уже в первые два века, не имел узкого национального характера, – он не был ни малорусским, ни белорусским, ни великорусским, а был общерусским в самом тесном значении этого слова*» (РО ИРЯ РАН ф. 13 № 26, лл. 743-744), – эти утверждения ученого не только не утратили своего научного значения, но и стали особенно актуальны в современных условиях. Неизданная работа Ильинского ценна прежде всего как обобщающий труд, систематизирующий исследования по истории русского языка и содержащий оригинальную авторскую концепцию его развития. Привлекательной стороной рассматриваемой книги является то, что ее автор вскрывает связи между лингвистикой, археологией, историей и письменными источниками, что позволяет ему полноценно и интересно описать историю русского языка и внести важный вклад в историю русской культуры. Полезна она и для истории славистики, так как дает представление о том структурировании знаний, которые предпринимали ученые в начале XX в. При этом заслуживает внимания тот факт, что научные взгляды и интересы Ильинского отличались большим постоянством: во всех своих работах он последовательно проводил метод сравнительно-исторического языкознания, давал практически исчерпывающую библиографию по анализируемому вопросу, пытался связать языковые и культурно-исторические данные в одну систему, широко использовал этимологический метод исследования, позволявший восстанавливать формы праславянского и древнерусского языков.

Источники

Рукописный Отдел Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (РО ИРЯ РАН) ф. 13. № 21 (1-2 главы Введения в историю русского языка Г. А. Ильинского), № 26 (3-7 главы той же рукописи), № 23 («Юрьевская грамота»)

Литература

Журавлев, Владимир Константинович: Григорий Андреевич Ильинский (1870 – 1937). Москва: Издательство Московского университета, 1962. 78 с.

Зализняк, Андрей Анатольевич: «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Москва: Альпина нон фикшн, 2024. 4-е издание. 448 с.

Ильинский, Григорий Андреевич: Юрьевская грамота 1130 г. (подгот. текста и публ. Г. С. Баранковой). In: Молдован, А. М. – Калугин, В. В. (eds.): Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва: «Древлехранилище», 2000, с. 321-356.

Котков, Сергей Иванович: Московская речь в начальный период становления русского национального языка. Москва: Издательство «Наука», 1974. 359 с.

Ладыженский, Игорь Михайлович: Послесловие Захарии в Псалтыри княгини Марины. Публикация текста, перевод, комментарии, исследование. In: Die Welt der Slaven, 2020, Bd. LXV, 1, S. 164-199.

Псалтырь; до 1343; ГИМ; Син. 235. Доступно он-лайн: История письма: информационная система. Санкт-Петербургский институт истории РАН. Санкт-Петербург, [б. д.]. URL: https://gis.spbiiran.ru/cyrillic/cyrillic-alphabet-codices/codexes/399 (дата обращения: 31.08.2026).

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. Москва: Издательство «Наука», 1984. 407 с.

Седов, Валентин Васильевич: Славяне. Историко-археологическое исследование. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

Шакун, Надежда Петровна: Туровские евангелия в литовских библиотечных фондах. In: Žmogus kalbos erdvėje, 2010, № 6, s. 204-210.

Шахматов, Алексей Александрович: Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Петроград: Тип. «Научное дело», 1916. 146 с.